

Квант М.

Охота на идею

Квант М. Охота на идею

<https://litres.ru/74202289>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где мысли патентуют, а память изымают по решению суда, гениального инженера Аарона Кейна обвиняют в краже чертежей. Чтобы доказать невиновность, он соглашается на ментографию — сканирование мозга. Но процедура вскрывает чудовищную правду: его разум переполнен чужими воспоминаниями, а среди них — шокирующая сцена убийства собственного отца, который стоит рядом живой. Аарон становится беглецом, за которым охотится корпорация, и вынужден погрузиться в лабиринты своего «я», где свет борется с тьмой. Психологический триллер о цене гениальности, природе личности и границах, которые нельзя переступить.

Содержание

Глава 1. Трещина в монолите	4
Глава 2. Эхо в чужом сознании	22
Глава 3. Симфония призраков	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Квант М.

Охота на идею

Глава 1. Трещина в монолите

Дождь в Эрго-Сити никогда не шел вертикально. Он всегда падал под углом, подгоняемый ветрами с Изумрудного залива, и барабанил по стеклу не каплями, а какими-то злыми, косыми очередями, будто сам мир пытался пробить брешь в герметичности небоскребов. Аарон Кейн стоял у панорамного окна своей квартиры на сто семнадцатом этаже и смотрел, как внизу, сквозь серую пелену, пульсируют огни города. Линии магнитных трасс, опоясывающие башни из стали и зеркального пластика, походили на светящиеся артерии, но сейчас они казались ему удавкой. Удавкой, которая медленно, но верно затягивалась на горле.

Он не спал трое суток. Трое суток, превративших его просторную, стерильную квартиру в бункер осажденного разума. На журнальном столике из черного матового стекла громоздились чашки с засохшей кофейной гущей, голографические планшеты с погасшими экранами и россыпь мелких деталей, в которых только наметанный глаз мог узнать микро-приводы и сервомоторы последнего поколения. Запах озона и перегретого металла смешивался с ароматом

дорогого табака — единственной слабости, которую Аарон позволял себе уже пятнадцать лет.

Он смотрел на свое отражение в мокром стекле. Высокий, худощавый мужчина тридцати четырех лет с резкими, словно высеченными из камня чертами лица. Глаза, которые когда-то называли глазами визионера, теперь запали и покраснели от усталости. Темные волосы, обычно аккуратно зачесанные назад, висели неопрятными прядями, спадая на высокий лоб. Он выглядел как человек, стоящий на краю, но дело было не в физическом истощении. Дело было в том, что отражение в стекле, как ему казалось, жило своей жизнью. Оно моргало с едва заметной задержкой, которую не засек бы ни один детектор лжи, но которую чувствовал он сам.

Тишину разрезал мелодичный сигнал входной системы. Звук был мягким, почти ласковым, но Аарон вздрогнул так, словно над ухом выстрелили. Он знал, кто пришел. Юристы «НейраТех» были пунктуальны, как швейцарские часы, и безжалостны, как раковая опухоль. Они пришли за его идеей. За «Проектом Прометей».

— Открой, — произнес он в пустоту, и матовые створки двери бесшумно разъехались в стороны.

В комнату вошли двое. Первый — мужчина лет пятидесяти в безукоризненно скроенном костюме цвета мокрого асфальта. Алан Рихтер, глава патентного отдела «НейраТех». Его лицо, гладкое и бесстрастное, напоминало маску из фарфора, за которой невозможно было прочесть ни одной эмо-

ции. Он держал в руке тонкий кейс из углеродного волокна, который, несомненно, содержал очередную порцию юридических угроз.

Вторым был молодой человек лет двадцати пяти с цепким, оценивающим взглядом. Он был представлен как Маркус Вейл, младший патентный аналитик, но Аарон сразу понял его настоящую роль — свидетель, стажер, которого взяли, чтобы тот набирался опыта в том, как корпорация перемалывает гениев в труху. Его присутствие должно было оказывать психологическое давление. Зритель на казни.

— Добрый вечер, господин Кейн, — произнес Рихтер, не дожидаясь приглашения проходя в центр комнаты. Его голос был сухим и шелестящим, как перелистываемые страницы судебного иска. — Надеюсь, вы провели последние дни продуктивно. Обдумали наше предложение?

— Я не торгуюсь с ворами, — ответил Аарон, не оборачиваясь. Он продолжал смотреть в окно. — Ваше «предложение» — это ультиматум, прикрытый тонким слоем корпоративной вежливости.

Вейл хмыкнул, но под ледяным взглядом Рихтера тут же сделал серьезное лицо.

— Вор? — Рихтер аккуратно положил кейс на стол, прямо на рассыпанные детали сервоприводов. Раздался неприятный скрежет металла о карбон. — Это серьезное обвинение, господин Кейн. Особенно в свете того, что все патентные заявки, поданные вами, были оплачены нашей компани-

ей. Все лабораторные мощности, на которых вы работали последние пять лет, принадлежат «НейраТех». Каждая формула, которую вы вывели, каждая модель, которую вы построили, — это продукт корпоративных инвестиций. А вы, вместо того чтобы передать финальный прототип, вдруг заявляете о краже и пытаетесь уничтожить данные.

— Инвестиции? — Аарон резко развернулся. В его воспаленных глазах вспыхнул гнев. — Вы называете это инвестициями? Я вложил в «Прометей» свой разум. Свое время. Свою душу. А вы подсунули мне контракт, составленный так, чтобы забрать все. Вы не финансировали исследования, Рихтер. Вы скупали мое будущее по дешевке.

— Рынок идей, господин Кейн, — спокойно парировал Рихтер, открывая кейс. Внутри, в специальных пазах, лежал матово-черный планшет. Он вытащил его и активировал, и над поверхностью стола развернулась сложная голографическая структура — трехмерная схема «Проекта Прометей». Это был не просто двигатель или источник энергии. Это был симбиоз квантового процессора и биологической нейросети, способный к самообучению на уровне, который раньше считался научной фантастикой. Искусственный интеллект, лишенный холодной логики машин, наделенный искрой интуиции. — Рынок идей, как и любой другой, требует отдачи от вложений. Вы подписали документ, по которому все производные открытия, сделанные на нашем оборудовании, принадлежат нам. Это закон.

— Я подписал его, потому что он был написан на двухстах страницах юридического жаргона! — Аарон стукнул кулаком по столешнице. Чашки подпрыгнули, одна из них упала на пол и разбилась. Звук был резким, отрезвляющим. — Вы намеренно запутали условия.

Вейл, все это время стоявший чуть поодаль, сделал шаг вперед. Его голос был моложе, резче, с нотками того высокомерия, которое свойственно людям, никогда не создававшим ничего своего.

— Господин Кейн, незнание закона не освобождает от ответственности. А уж патентного кодекса — тем более. Вы пытались вывезти с территории лаборатории физический носитель с исходным кодом «Прометей». Это уже не гражданский спор о правах. Это попадает под статью сто двадцать один, дробь четыре Уложения о ментальной собственности. Кража охраняемой интеллектуальной собственности. Предварительное наказание — до пятнадцати лет изоляции в колонии строгого режима.

В комнате повисла звенящая тишина. Даже шум дождя, казалось, стих, вслушиваясь в этот приговор. Пятнадцать лет. За то, что он хотел оставить себе то, что родилось в недрах его собственного сознания.

— Это моя идея, — тихо сказал Аарон. Это был шепот человека, который уже проиграл битву, но еще не проиграл войну. — Она пришла мне в голову. Я выносил ее. Я соединил в ней принципы нейробиологии и квантовой механики.

Без меня «Прометей» — просто грудa металла и кремния. Вы можете владеть чертежами, но вы никогда не заставите его работать так, как заставил бы я.

— Это мы еще посмотрим, — холодно улыбнулся Рихтер. — Наши инженеры уже работают над воссозданием ваших алгоритмов. А чтобы ускорить процесс, нам нужно полное картирование вашего мнемонического следа. Мы подали прошение в Центральный суд о проведении принудительной ментографии.

Слово ударило под дых. Ментография. Сканирование памяти. Эта технология, еще десять лет назад бывшая чудом нейромедицины, позволявшая возвращать воспоминания жертвам амнезии, теперь стала главным инструментом корпоративных войн. Последний рубеж, взломанный и превращенный в оружие. Суды все чаще выносили постановления о принудительной «загрузке» содержимого мозга, если истец мог доказать, что релевантная информация хранится именно там. Это считалось гуманной альтернативой допросу с применением сыворотки правды. Гуманной! Изнасилование разума под прикрытием правосудия.

— Вы не посмеете, — произнес Аарон, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — Это вторжение в личность. Есть предел...

— Предела нет, когда речь идет о прорывных технологиях, господин Кейн, — перебил его Рихтер, захлопывая кейс. Звук был финальным, как удар молотка судьбы. — Государ-

ство заинтересовано в «Прометее» не меньше нашего. Военные уже прислали запрос. Вы даже не представляете, с каким уровнем сил вы вздумали тягаться. Ваш судебный иск против «НейраТех» — это комариный укус для слона. Но укус раздражающий. Поэтому мы даем вам последний шанс. Завтра в полдень. Вы приходите в наш офис, подписываете акт о полной и безоговорочной передаче всех прав, и мы отзываем прошение о ментографии. Вы остаетесь на свободе, с репутацией, возможно, слегка подмоченной, но целой. Или же...

Он не договорил. Он просто указал на голограмму «Прометей», которая все еще висела в воздухе, переливаясь изумрудными и алыми огоньками. Искра интуиции, заключенная в схему, казалась сейчас насмешкой над его создателем. Ты породил меня, но ты мне не хозяин.

Рихтер и Вейл ушли так же бесшумно, как и появились. Двери сомкнулись, отрезав Аарона от внешнего мира. Он остался один на один со своим отражением и разбитой чашкой на полу.

Ночь прошла без сна. Аарон сидел в кресле, прокручивая в голове один и тот же диалог. Он знал, что «НейраТех» блефует лишь отчасти. Принудительная ментография была крайней мерой, процедурой дорогой и бюрократически сложной, но для такого проекта, как «Прометей», корпорация могла пойти на все. И они пойдут. Дело было не в день-

гах. Дело было в контроле. Контроле над следующим этапом эволюции.

К утру он принял решение. Это было решение загнанного в угол зверя, который понимает, что от судьбы не убежать, но может выбрать способ встречи с ней. Он не позволит им насильно вломиться в его разум. Если его память должна быть вскрыта, он сделает это на своих условиях. Он пойдет на добровольную ментографию. Он сам покажет им, что в его голове нет никаких «украденных чертежей», что «Прометей» — это продукт его уникального мышления, а не собранный по кускам корпоративный пазл.

Это был отчаянный шаг. Добровольное сканирование памяти было обратимо, но процесс подготовки к нему... психиатры сравнивали его с многократным переживанием собственной смерти. Но выбора не было. Если он добровольно откроет разум, «НейраТех» не сможет диктовать условия. Суд будет на его стороне.

Он позвонил своему адвокату, Елене Штерн. Ее голос в трубке был хриплым со сна.

— Ты сошел с ума, Аарон. Добровольная ментография? Они же увидят все. Твои страхи. Твои детские травмы. Каждую постыдную мысль. Ты готов к этому?

— У меня нет детских травм, Елена. У меня было счастливое детство. Мой отец... ты знаешь моего отца. Он — монолит. Он научил меня всему. Мне нечего скрывать.

— У каждого есть что скрывать, Аарон. Даже от самого

себя, — мрачно ответила адвокат. — Но если ты уверен... я начну готовить документы. Но помни: оттуда не возвращаются прежним. Процедура меняет нейрохимию мозга. Ты рискуешь не только своей свободой, но и рассудком.

— Рассудок — это то, что у меня пытаются украсть, — отрезал он и сбросил вызов.

Новость о том, что Аарон Кейн согласился на добровольную ментографию, взорвала информационное поле города. В мире, где идеи стали главной валютой, а право на мысль охранялось патентными легионами, добровольное вскрытие памяти было сродни публичному самоубийству. Журналисты осаждали его дом, голографические экраны на фасадах небоскребов транслировали его портрет с пометкой «Гений или безумец?», а акции «НейраТех» подскочили на три процента.

Слушание назначили в Центральном суде Эрго-Сити. Это было здание, напоминавшее гигантскую раковину моллюска, вывернутую наизнанку: все его коммуникации, трубы и кабели были выставлены напоказ, как символ прозрачности правосудия. Но Аарону оно казалось склепом.

Зал суда был набит до отказа. Представители корпорации, облаченные в свои безупречные костюмы, сидели с каменными лицами. Рихтер восседал в первом ряду, и в его глазах Аарон прочел не триумф, а странное, почти неуловимое беспокойство. Рядом с ним сидел Маркус Вейл, который нервно постукивал пальцами по планшету.

Судья, женщина с лицом, изборожденным морщинами опыта, но глазами острыми и цепкими, объявила о начале слушания. Адвокаты обменялись предварительными заявлениями. Затем слово взяла Елена Штерн.

— Ваша Честь, — начала она, и ее голос эхом разнесся под сводами зала. — Мой подзащитный, Аарон Кейн, отвергает все обвинения в краже ментальной собственности. Он утверждает, что идея, известная как «Проект Прометей», является плодом его собственных интеллектуальных усилий. Для доказательства своей невиновности он готов предоставить полный и неограниченный доступ к своей памяти. Он добровольно соглашается на процедуру глубокой ментографии в присутствии независимых экспертов и наблюдателей от обеих сторон.

По залу прокатился гул. Репортеры зашептались, застрекотали камеры. Это было эффектное заявление.

Судья подняла руку, призывая к тишине.

— Господин Кейн, — обратилась она к нему. — Понимаете ли вы, на что соглашаетесь? Ментография — это не детектор лжи. Это полная картография вашей мнемонической системы. Все, что вы когда-либо видели, слышали, чувствовали или думали, будет извлечено, оцифровано и выведено на эти экраны. Это может затронуть не только вас, но и других людей, чьи образы хранятся в вашей памяти. Вы готовы к такому уровню публичности?

Аарон встал. Он чувствовал, как десятки пар глаз буравят

его спине. Он нашел взглядом отца. Виктор Кейн сидел на скамье для свидетелей, прямой и спокойный. Его седые волосы были аккуратно подстрижены, взгляд серых глаз был твердым. Он слегка кивнул сыну — жест поддержки, который Аарон прочел без слов. Отец верил в него. Как верил всегда.

— Я готов, Ваша Честь, — сказал Аарон.

После этого начался ад. Процедура подготовки к ментографии заняла три часа. Сначала — медицинский осмотр. Его кровь проверили на наличие психотропных веществ, тело опутали сетью датчиков, считывающих сердечный ритм и мозговую активность. Затем последовал самый мучительный этап — введение нано-зондов. Микроскопические машины, впрыснутые в сонную артерию, должны были добраться до мозга и образовать временную нейронную сеть-ретранслятор.

Ощущение было такое, будто под черепом ползают тысячи ледяных муравьев. Аарон лежал на медицинской кушетке, глядя в белый потолок, и пытался дышать ровно. Елена стояла рядом, ее лицо было бледным.

— Еще не поздно остановиться, — прошептала она. — Мы можем просто проиграть суд и подать на апелляцию. Это займет годы.

— У меня нет этих лет, — процедил он сквозь зубы. — Они отнимут все.

В комнату вошел главный техник, сутулый человек в оч-

ках с толстыми линзами, за которыми глаза казались неестественно большими.

— Зонды имплантированы, — произнес он бесцветным голосом. — Сеть стабильна. Мы готовы начать процедуру глубокого картирования. Вы будете видеть свои воспоминания, а мы — их цифровую проекцию на главном экране в зале. Постарайтесь не сопротивляться потоку образов. Это может вызвать когнитивный диссонанс и боль.

Сопротивляться? Аарон даже не знал, как это — сопротивляться собственной памяти. Он был уверен, что знает о себе все. Его жизнь была прямой линией. Учеба. Первые чертежи. Смерть матери. Отец, который заменил ему целый мир. Работа в «НейраТех». Озарение, приведшее к созданию «Прометейя». Это была чистая, незамутненная история жизни гения. Ему нечего бояться.

Его перевезли в зал суда. Для него установили специальное кресло, подключенное к массиву серверов и огромному голографическому проектору. Ремни мягко, но настойчиво зафиксировали его запястья и лодыжки. Прозрачный купол, усеянный светодиодами, опустился на голову. Аарон почувствовал легкий зуд — это нано-зонды начали синхронизацию.

Судья подала сигнал.

— Начать процедуру мнемонической реконструкции.

Сначала не было ничего. Только темнота и тихое гудение аппаратуры. Аарон закрыл глаза и постарался расслабиться.

Он вспомнил слова техника: «Вы будете видеть свои воспоминания». Он попытался представить отца. Виктора Кейна. Его сильные руки, которыми он учил его держать паяльник. Его спокойный голос, объясняющий принципы термодинамики. Их дом у залива.

И мир взорвался светом.

На огромном экране, висящем над залом, начало проступать изображение. Сначала размытое, как отражение в мутной воде, оно становилось все четче и четче. Публика ахнула.

Это была комната. Детская. Стены оклеены обоями с яркими звездами. На полу разбросаны игрушки — кубики, модель космического корабля, детский конструктор. В углу стояла кровать в форме гоночного болида. Аарон, замороженный, смотрел на сцену из своего прошлого, узнавая ее. Ему было здесь, должно быть, лет пять.

— Это ключевое воспоминание, — прокомментировал техник, глядя на показатели мозговой активности. — Один из мнемонических якорей субъекта.

На экране появился человек. Молодой Виктор Кейн. Высокий, с копной черных волос, еще без седины. Он сидел на корточках перед маленьким Аароном и держал в руках крошечную печатную плату, от которой тянулись разноцветные проводки к маленькой лампочке.

— Смотри, Аарон, — прозвучал в зале голос Виктора, усиленный динамиками. Голос был полон тепла и терпения. — Если соединить этот контакт с этим... загорается свет.

Это называется цепь.

Маленький Аарон, пухлый мальчуган с огромными от любопытства глазами, потянулся к плате. Его пальчики были еще такими неуклюжими. Он соединил проводки, и лампочка вспыхнула. Детское лицо озарилось восторгом, и по залу суда прокатилась волна умиления. Даже суровые лица патентных юристов смягчились. Все увидели момент рождения гения. Тот самый миг, когда искра познания воспламенила разум ребенка.

Аарон, сидя в кресле, улыбался. Он помнил этот момент. Этот запах плавленной канифоли, это тепло отцовских рук. Это была правда его жизни.

Елена Штерн облегченно выдохнула. Все шло идеально.

— Увеличьте разрешение и глубину сканирования, — приказал техник. — Переход на второй уровень.

И тут изображение на экране дрогнуло. Как старая киноплёнка, зажеванная проектором, кадр с улыбающимся отцом и сыном пошел рябью. Цвета стали блекнуть, сменяясь какими-то зеленоватыми, болезненными оттенками. На несколько мгновений проступила совсем другая картинка, наложившись на первую, как двойная экспозиция.

Аарон нахмурился. Он не понимал, что происходит. Где-то в глубине его сознания возникло странное, тревожное чувство, похожее на зуд, который невозможно почесать.

— Помехи? — спросил судья.

— Не должно быть, — техник застучал по клавишам. —

Сигнал нестабилен. В нейронной сети фиксируется аномальная активность. Похоже на... интерференцию.

— Что это значит?

— Это значит, что одно воспоминание накладывается на другое. Как будто на одной магнитной ленте записано два фильма, — растерянно пробормотал техник.

Напряжение в зале росло. Рихтер подался вперед, его глаза превратились в щелочки. Виктор Кейн нахмурился, сжимая подлокотники скамьи.

Аарон зажмурился, пытаясь прогнать странные образы, которые начали мелькать перед его внутренним взором. Это были не его воспоминания. Какие-то обрывки. Другая комната, стерильно-белая, с яркими лампами. Чьи-то руки в перчатках. Запах антисептика. Острая боль в виске. Кто-то говорит: «Объект сопротивляется. Увеличьте дозу нейролептика». Голос был холодным, бездушным.

— Я это не помню! — прошептал Аарон, но его слова утонули в шуме, поднявшемся в зале.

Потому что на экране начало проступать новое, четкое, как удар молнии, изображение. Оно полностью вытеснило собой идиллическую картинку детской. Это был уже не домашний видеоархив. Это был высокобюджетный фильм ужасов, смонтированный из обрывков реальности.

Зрители увидели помещение, залитое мертвенным неоновым светом. Похоже на подземную лабораторию или технический этаж небоскреба. Стены из необработанного бетона,

опутанные трубами. На полу — лужи какой-то маслянистой жидкости. В центре стоял операционный стол, пристегнутый к нему человек с мешком на голове. По фигуре, по одежде было видно, что это мужчина. На нем был дорогой костюм, испачканный кровью.

В углу стоял кто-то еще. Фигура, частично скрытая в тени. Но движения... Аарон с леденящим ужасом узнал эти движения. Он видел их каждый день в зеркале. Фигура подняла руку, в которой тускло блеснул скальпель.

— Нет... — выдохнул Аарон, начиная биться в ремнях. Купол на его голове завибрировал. — Это не я! Остановите!

Но никто не слушал команды. Все взгляды были прикованы к экрану. Фигура из тени сделала шаг вперед, и свет упал на лицо. По залу пронесся единый, судорожный вздох ужаса.

Это был Аарон Кейн.

На его лице не было ни тени сомнения или колебания. Это было лицо хирурга, сосредоточенное, отстраненное. Он подошел к столу и одним резким движением сорвал мешок с головы жертвы. И зал увидел лицо мужчины. Избитое, в кровоподтеках, но тем не менее узнаваемое до последней черточки.

Это был Виктор Кейн.

Отец и сын смотрели друг на друга через разделяющее их пространство экрана. Один — в ужасе со скамьи свидетелей, второй — с холодной, нечеловеческой решимостью на экране. Иллюзорный Аарон улыбнулся. Улыбка была спокойной,

почти ласковой.

— Ты знаешь, что должен умереть, — сказал он голосом, который был голосом Аарона, но каким-то чужим, лишенным всех привычных интонаций. — Так требует код.

И скальпель медленно, неумолимо, начал опускаться.

Зал взорвался криками. Виктор Кейн вскочил на ноги, крича: «Аарон! Что это?! Что это значит?!». Судья била молотком, призывая к порядку. Елена Штерн побледнела как полотно. Рихтер смотрел на экран с выражением крайнего, парализующего изумления.

А Аарон, настоящий Аарон, закричал. Это был крик человека, чей разум разбивается на тысячу осколков. Он не знал этого воспоминания. Он не помнил этого места. Он не мог этого сделать! Его отец был жив, он стоял там, в двадцати метрах от него! Но картинка на экране была настоящей. Настолько настоящей, что он чувствовал холодную рукоять скальпеля в своей ладони. Чувствовал прямо сейчас.

Внезапно главный экран погас, оставив после себя лишь мертвенно-белый прямоугольник. Зажглись лампы аварийного освещения. Техник отключил систему.

— Мозг перегружен! — закричал он. — Мнемонический коллапс! Мы теряем его!

Но это было не все. Прежде чем экран погас, Аарон успел увидеть кое-что еще. Образ, который молнией прошил его сознание и остался там, выжженный на сетчатке души.

Там, на экране, в том операционном зале, на заднем пла-

не, стояли стеллажи. И на этих стеллажах, ряда за рядом, в цилиндрических стеклянных контейнерах, заполненных мутной жидкостью, плавали человеческие мозги. Десятки мозгов, опутанных паутиной электродов, и каждый был подключен к единому центральному хабу. Это была не просто пытка, не просто убийство. Это была коллекция. Библиотека разумов. Ферма для выращивания чужих мыслей.

И в самый последний миг, прежде чем реальность погасла и его накрыла волна беспамятства, Аарон понял чудовищную, парализующую истину. Его мозг был не только его. В нем жили десятки, если не сотни, других сознаний. И одно из них только что показало ему, как он убил собственного отца.

Сознание Аарона Кейна рухнуло в черную, бездонную пропасть, оставив зал суда в состоянии шока и хаоса. Последним звуком, который он слышал, проваливаясь в небытие, был голос его отца. Не тот, холодный, из видения, а настоящий, полный боли и предательства, повторяющий один и тот же вопрос:

— Аарон, что ты наделал?..

Глава 2. Эхо в чужом сознании

Тишина обрушилась не сразу. Сначала был грохот — удар собственного сердца, многократно усиленный микрофонами, вживленными в черепную коробку. Потом — звон разбитого стекла. Нет, не стекла. Это треснула реальность. Аарон Кейн падал в бездну, и эта бездна имела цвет не черный, а белый. Ослепительно-белый, как стены психиатрических палат, как снег, заметающий следы, как чистый лист бумаги, на котором еще не написали приговор.

Он не потерял сознание в привычном смысле слова. Его мозг, перегруженный потоком чужеродных данных, просто отключил интерфейс связи с телом. Аарон застрял в промежутке — между бодрствованием и сном, между своей памятью и чужой. Он висел в вязкой пустоте, где время текло не стрелой, а спиралью, закручиваясь в тугие петли. И в этих петлях он снова и снова переживал момент, которого никогда не было.

Скальпель в его руке. Холодная сталь. Капли чужой крови на манжетах. И голос. Собственный голос, говорящий слова, которые он никогда не произносил: «Ты знаешь, что должен умереть. Так требует код». Кто говорил этими словами? Какая сущность, поселившаяся в его нейронах, использовала его тело как куклу? И самое страшное — в этом воспоминании, таком чужом и таком реальном, он чувствовал удовле-

творение. Удовлетворение палача, который хорошо сделал свою работу.

Он пытался кричать, но голосовые связки не повиновались. Он пытался проснуться, но не мог найти границу между явью и кошмаром. Где-то на периферии его затухающего сознания мелькали образы. Лица. Сотни лиц, которых он никогда не видел, но которые почему-то казались ему знакомыми. Они смотрели на него изнутри его собственной головы, как заключенные из окон тюрьмы. Кто вы? Почему вы здесь? Ответом была лишь какофония шепотков, обрывков фраз на разных языках, запахов, которых не существовало, и прикосновений, которые некому было оставить.

Первым, что он почувствовал, возвращаясь в тело, был запах. Запах антисептика, медицинского пластика и озона от работающих приборов. Запах стерильности, за которым всегда прячется страх. Аарон открыл глаза.

Потолок над ним был белым и незнакомым. Не квартира, не лаборатория. Он попытался повернуть голову, и острая боль пронзила шею. Мышцы затекли так, будто он пролежал без движения несколько дней. Во рту стоял металлический привкус — последствие нейрохимического сбоя, вызванного процедурой. Он попробовал пошевелить пальцами. Пальцы слушались, но с задержкой, словно сигнал от мозга шел по каким-то окольным, поврежденным путям.

— Очнулся, — произнес мужской голос слева. Голос был низким, с профессиональными нотками врачебного спокой-

ствия. — Не делайте резких движений, господин Кейн. Вы перенесли тяжелейший мнемонический коллапс. Вы находитесь в медицинском изоляторе Центрального суда. Моя фамилия — Демидов. Я ваш лечащий врач.

Аарон все-таки повернул голову, преодолевая боль. Рядом с койкой стоял человек в белом халате, наброшенном поверх гражданской одежды. Ему было около шестидесяти, у него было узкое лицо с острыми скулами и глубоко посаженные глаза, которые смотрели на пациента с выражением, средним между научным любопытством и плохо скрываемой тревогой. В руках он держал прозрачный планшет, на котором пульсировали разноцветные графики.

— Сколько?.. — голос Аарона прозвучал как хриплое карканье. Он сглотнул, пытаясь смочить пересохшее горло. — Сколько я был в отключке?

— Трое суток, — ответил Демидов, делая пометку на планшете. — Мы ввели вас в состояние искусственной комы, чтобы предотвратить каскадное разрушение нейронных связей. Ваш мозг подвергся колоссальной перегрузке. Если бы мы не отключили вас, последствия могли бы быть необратимыми. Вы бы просто выжгли свою личность.

Трое суток. Аарон закрыл глаза, пытаясь осознать эту цифру. Три дня его не существовало для внешнего мира. Три дня его сознание блуждало по лабиринтам, которых не должно было существовать. Он снова открыл глаза.

— Что со мной случилось? Я имею в виду... то, что пока-

зал экран. То, что я... видел. Это был сбой?

Демидов замялся. Это был опытный врач, повидавший многое, но даже сейчас, столкнувшись с чем-то, выходящим за рамки его понимания, он испытывал трудности. Он отложил планшет и придвинул к койке пластиковый стул. Сел. Это движение — переход от формальной позы к доверительной — напугало Аарона больше, чем любые медицинские термины.

— Господин Кейн, — начал Демидов, тщательно подбирая слова. — За тридцать лет работы в нейромедицине я не видел ничего подобного. Ментография — процедура, безусловно, сложная, но она строго документирована. Ее результаты предсказуемы. Мы считываем мнемонический слепок, и он соответствует нейронным связям, сформированным в процессе жизни субъекта. У каждого человека — одна матрица. Одна история. Одна память. Это аксиома, на которой построена вся наша наука о мозге.

— У меня не одна, — тихо произнес Аарон. Это был не вопрос. Это была констатация факта, который он только начинал осознавать во всей его чудовищной полноте.

— У вас не одна, — подтвердил Демидов. — Когда мы отключили вас, суд находился в состоянии, близком к панике. Никто не понял, что произошло. Сначала решили, что это сбой оборудования. Техники «НейраТех» пытались доказать, что вы как-то взломали систему, чтобы дискредитировать процедуру. Но это невозможно. Вы были под полным

контролем. Затем появилась версия о мощной галлюцинации, вызванной стрессом. Но галлюцинации не дают четкой картины с такой степенью детализации. Мы проверили все. Оборудование исправно. Ваш мозг не имеет следов электромагнитного воздействия извне. И знаете, что самое невероятное?

Он сделал паузу, глядя прямо в глаза Аарону. Взгляд его был тяжелым, пронизывающим.

— Воспоминание, которое вы транслировали... та сцена... оно подлинное. Нейронные паттерны, которые его сопровождали, — это паттерны реального опыта. Они не сгенерированы воображением. Они не являются фантазией. Человек, чьи воспоминания мы увидели, действительно пережил это. Действительно держал скальпель. Действительно чувствовал все то, что почувствовали вы.

В палате повисла тишина. Такая густая, что ее, казалось, можно было резать ножом. Аарон смотрел на свои руки, лежащие поверх белой простыни. Его пальцы. Его кожа. На указательном пальце правой руки — маленький шрам, оставшийся с тех пор, как он в детстве поранился о жестяную банку. Это его шрам. Его тело. Его жизнь. Но в его сознании теперь жило нечто, что держало скальпель и перерезало горло Виктору Кейну. Отцу, который был жив.

— Мой отец... — начал он и остановился, не в силах продолжать.

— Ваш отец жив, — быстро сказал Демидов. — Виктор

Кейн находился в зале во время процедуры. Мы, разумеется, немедленно приняли меры. Его допросили. Его осмотрели врачи. С ним все в порядке. Он... он в шоке, но он жив.

— Я должен его увидеть.

— Это невозможно. Пока невозможно. Во-первых, вам нужен покой. Любое эмоциональное потрясение сейчас может спровоцировать рецидив коллапса. А во-вторых... господин Кейн, вы сейчас не просто пациент. Вы — объект исследования. Причем сразу по нескольким линиям.

Демидов снова взял планшет и вывел на него что-то.

— Суд отложен на неопределенный срок. Дело о краже интеллектуальной собственности отошло на второй план. Сейчас Следственный департамент возбудил уголовное производство. Вас подозревают в умышленном искажении результатов ментографии с целью введения суда в заблуждение. Это первая версия. Вторая — что вы действительно совершили убийство, но не Виктора Кейна, а другого человека, и по какой-то причине перенесли это воспоминание на образ отца. Третья версия... — он замаялся.

— Какая? — потребовал Аарон.

— Третья версия — что вы стали жертвой какого-то неизвестного науке типа вмешательства. Что кто-то намеренно имплантировал вам ложные воспоминания. Это звучит как научная фантастика, но другого объяснения вашей мнемонической аномалии просто нет. И именно эта версия пугает меня больше всего.

Дверь в палату бесшумно открылась. Вошедший не спрашивал разрешения. Это была Елена Штерн. Адвокат выглядела так, словно сама не спала все трое суток, пока ее клиент находился в коме. Ее деловой костюм был безупречен, но под глазами залегли темные круги, а в обычно стальном взгляде появилась тень растерянности, которую она тщетно пыталась скрыть.

— Доктор Демидов, — произнесла она ледяным тоном, — мой клиент еще не давал согласия на допрос. Ваши вопросы медицинского характера — это одно. Но я вижу, что разговор ушел в юридическую плоскость. Без меня.

— Госпожа Штерн, мы просто обсуждали состояние пациента, — поднял руки в примирительном жесте Демидов.

— Вот и заканчивайте обсуждать. Мне нужно поговорить с Аароном наедине. Согласно статье сорок семь Уложения о правах пациентов, подвергшихся принудительным медицинским процедурам, адвокат имеет право на конфиденциальную беседу в любое время.

Демидов вздохнул, кивнул и вышел из палаты. Когда дверь за ним закрылась, Елена подошла к койке и посмотрела на Аарона долгим, изучающим взглядом. Она не спрашивала о самочувствии. Она была практиком до мозга костей, и сейчас ее интересовали только факты.

— Ты помнишь, что произошло? — спросила она тихо.

— Я помню то, чего не было, — ответил он. — Но это помню так же ясно, как помню тебя.

— Аарон, послушай меня внимательно. Ситуация хуже, чем ты можешь себе представить. Рихтер и его команда юристов вцепились в это воспоминание, как бульдоги. Они строят обвинение на том, что ты — опасный психопат, который намеренно уничтожил данные по «Прометею», чтобы скрыть следы какого-то реального преступления. Они требуют полного изъятия твоего мнемонического массива для глубокого анализа. Фактически — изъятия твоей личности.

— Они не могут этого сделать, — прохрипел он.

— Могут. И уже почти сделали. Судья Штерн... нет, не родственница, однофамилица... она склоняется к тому, чтобы удовлетворить их ходатайство. В свете новых обстоятельств твоя добровольная ментография превратилась в ловушку. Ты сам открыл ящик Пандоры, Аарон. И оттуда вылезло такое, что ни один суд не захочет оставлять без внимания. Единственное, что пока спасает тебя от полного изъятия, — это состояние твоего мозга. Демидов дал заключение, что любое вторжение сейчас приведет к необратимой деградации личности. Но они ждут. Ждут, когда ты стабилизируешься.

Аарон с трудом приподнялся на локтях. Голова кружилась, перед глазамиплыли темные пятна, но он заставил себя сесть. Больничная рубашка прилипла к спине, мокрой от пота.

— То, что я видел... в конце... стеллажи с мозгами, — сказал он. — Это не было бредом. Я видел это так же ясно, как

вижу тебя сейчас. Там были десятки контейнеров. И все они были подключены к какой-то системе. Кто-то... кто-то коллекционирует сознания, Елена. И мое — одно из них.

Елена молчала. По ее лицу пробежала тень. Она достала из портфеля небольшой планшет, активировала его и показала Аарону стоп-кадр, сделанный во время ментографии. Тот самый момент, когда камера выхватила задний план операционной. Изображение было размытым, но силуэты стеклянных цилиндров просматривались отчетливо.

— Следственная группа изучила этот кадр, — сказала она. — Они утверждают, что это артефакт изображения. Искажение, вызванное твоим эмоциональным состоянием. Никто не верит, что это реальное место.

— Но ты же веришь мне?

Она отвела взгляд. Это был ответ, который говорил больше, чем слова. Она не верила. Она допускала возможность, но не верила до конца. И это было страшнее всего. Аарон Кейн, гениальный инженер, создатель «Прометея», превратился в человека, чьим словам не верит даже собственный адвокат.

— Я верю, что с тобой случилось нечто... неординарное, — осторожно произнесла Елена. — Но чтобы защищать тебя в суде, мне нужны факты. Доказательства. Ты должен попытаться вспомнить что-то еще. Что-то, что поможет нам понять, как чужие воспоминания попали в твою голову. Кто мог это сделать? Когда? Где?

— Я не знаю! — он ударил кулаком по матрасу. — Я не знаю, кто эти люди! Я не знаю, почему их память внутри меня! Я смотрю на свои руки и не понимаю, мои ли они! Может быть, прямо сейчас я двигаю ими не по своей воле, а потому что какая-то тварь, сидящая в моем мозгу, решила пошевелиться!

Он задохнулся от гнева и страха. Сердце бешено колотилось, и мониторы, подключенные к его телу, засигналили тревогу. В палату немедленно вбежал Демидов с двумя санитарями.

— Вам пора, госпожа Штерн, — твердо сказал врач. — Пациенту нужен покой.

— Я еще вернусь, — пообещала Елена, убирая планшет. — Аарон, постарайся вспомнить. Любая деталь. Любая мелочь. Это единственный способ вытащить тебя отсюда.

Когда она ушла, санитары уложили Аарона обратно на подушки. Демидов сделал ему укол успокоительного, и по венам разлилась теплая, вязкая волна. Сопротивляться не было сил. Он позволил лекарству унести себя на границу сна, туда, где образы реальности смешиваются с призраками подсознания.

Он лежал с открытыми глазами, глядя в потолок, и думал. Думал о том, что сказала Елена. «Постарайся вспомнить». Но в том-то и заключался весь ужас, что он помнил. Помнил слишком много. Его собственная жизнь, которую он считал прямой линией, превратилась в запутанный клубок.

Где заканчивались его подлинные воспоминания и начинались ложные? Был ли тот день, когда отец учил его паять, реальным? Или это тоже имплантированная картинка, призванная скрыть какую-то другую, чудовищную правду? Он не мог доверять ни одной мысли в своей голове. Каждая могла оказаться вражеским лазутчиком.

Снотворное накрыло его мягким ватным одеялом. Сопротивление было бесполезно. Он закрыл глаза и провалился в сон.

И там, в глубине сна, его ждали они. Чужие голоса.

Сначала была женщина. Ее звали... нет, не важно, как ее звали. Ее имя было стерто, но боль осталась. Она стояла на балконе высотного здания, ветер трепал ее седые волосы, а внизу, далеко-далеко, гудел равнодушный город. Она смотрела на свои руки, и по ним ползли синие вены, похожие на трещины на старом фарфоре. «Я больше не знаю, кто я», — прошептала она, и этот шепот прозвучал в голове Аарона так отчетливо, будто она стояла рядом. Затем она шагнула вперед. Аарон почувствовал ледяной ветер на лице, ощутил невесомость падения и глухой, тошнотворный удар. И тьму.

Потом был мужчина. Молодой, полный жизни. Он сидел за рулем аэрокара, несущегося по ночной трассе. Музыка гремела так, что вибрировали стекла. Он смеялся, глядя на огни города, проносящиеся мимо. Но вдруг руль перестал слушаться. Машину занесло. Фары выхватили из темноты бетонное ограждение. Последней мыслью этого человека

был не страх, а странное, горькое облегчение. «Наконец-то я могу отдохнуть», — подумал он. А потом был удар. И тьма.

Затем — старик. Он лежал в больничной палате, окруженный пищащими приборами. Рядом никого не было. Только пустые стулья для посетителей, которые никогда не приходили. Старик смотрел в потолок и перебирал пальцами край простыни. Он умирал от рака, и каждая клетка его тела кричала от боли. Но страшнее боли было одиночество. «Неужели это все? — думал он. — Неужели моя жизнь ничего не значила?». И когда сердце остановилось, никто не заметил. И тьма.

Лица мелькали перед внутренним взором Аарона, как кадры бесконечного, жуткого кинофильма. Мужчины, женщины, старики, даже один ребенок. Их объединяло одно: все они умерли. И все они, в последний миг своей жизни, оставили след. След, который кто-то заботливо собрал и поместил в одну голову. В его голову.

Аарон метался во сне, стонал, но не просыпался. Лекарство держало его тело в параличе, но разум блуждал по темным коридорам, распахивая двери, за которые ему не следовало заглядывать. И вот он подошел к еще одной двери. Самой темной и самой тяжелой. За ней не было криков или боли. За ней была тишина. Такая глубокая и абсолютная, что она звенела в ушах.

Он толкнул дверь и вошел.

Это была комната без стен. Пустота, в которой висел лишь

один образ: его отец, Виктор Кейн. Но не тот, живой и здоровый, а тот, из операционной. С мешком на голове. И рядом — фигура Аарона со скальпелем. Только на этот раз сцена не заканчивалась ударом. Она разворачивалась дальше. Аарон-палач склонился над жертвой и заговорил. Голос его был ласков, как у хирурга, успокаивающего пациента.

— Ты подарил мне жизнь, отец. Но теперь ты подаришь мне нечто большее. Ты подаришь мне свободу. Твой разум станет ключом. Ключом от всех дверей, которые они закрыли. Ты не умрешь. Ты будешь жить вечно. Здесь. Во мне.

Виктор на столе дернулся. Мешок на его голове намок от слез.

— Аарон... мальчик мой... что они с тобой сделали?..

— Они сделали меня совершенным, — ответил Аарон, и в его голосе прозвучала сталь. — А теперь я сделаю совершенным тебя.

Скальпель опустил, но не на горло. Он вонзился в висок, туда, где нейрохирургический зонд мог получить доступ к гиппокампу. Крик Виктора был недолгим. Через несколько секунд тело обмякло, а в руках Аарона оказался крошечный цилиндр, заполненный светящейся жидкостью. В этой жидкости плавали микроскопические нано-зонды, уже загруженные мнемоническим слепком. Душой.

Аарон во сне закричал. Он кричал так громко, что крик прорвался сквозь наркотическую завесу. В палату вбежали санитары. Его тело билось в конвульсиях, мониторы выли

сиренами. Демидов вколол еще одну дозу, но сон не отступал, он держал Аарона в своих цепких лапах, заставляя смотреть. Заставляя видеть.

После отца пришли другие. Десятки других. Он не убивал их скальпелем. Он делал это по-разному. Электромагнитный импульс, направленный в определенный участок мозга. Инъекция нано-ботов, растворяющих нейронные связи. Психологическая пытка, доводящая до инсульта. Это была целая энциклопедия методов извлечения сознания. И он, Аарон, владел каждым из них в совершенстве. Он был не просто убийцей. Он был коллекционером. Собирателем душ.

Когда он наконец проснулся, была уже ночь. В палате царил полумрак, лишь над дверью горела тусклая дежурная лампа. Аарон был мокрым от пота. Простыни хоть выжимай. Он дышал тяжело, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Рядом никого не было. Только тишина и одиночество.

Он сел на кровати, спустив ноги на пол. Голова кружилась, но тело уже начинало слушаться. Он должен был что-то делать. Что-то предпринять. Нельзя было больше лежать и ждать, пока его сознание окончательно захватят чужие монстры. Он должен был найти ответы.

Слабый свет луны, пробивающийся сквозь матовое окно, падал на металлический столик у койки. Там лежали его личные вещи, изъятые при госпитализации. Часы. Кольцо — подарок отца на двадцатилетие. И небольшая записная книжка

из синтетической бумаги. Аарон потянулся к ней. Рука дрожала так сильно, что он едва не уронил книжку на пол.

Он открыл ее. Здесь были его заметки по «Прометею». Формулы. Расчеты. Все то, что «НейраТех» так хотела заполучить. Но сейчас его интересовало другое. В конце книжки был небольшой карман для визиток. Он расстегнул его и вытащил оттуда маленькую, пожелтевшую фотографию. Эту фотографию он носил с собой уже много лет, не помня, откуда она взялась. На ней был изображен мужчина средних лет, стоящий на фоне какого-то старого здания. У мужчины было лицо Виктора Кейна, но его отец никогда не носил такую одежду и не был в этом месте. Аарон смотрел на снимок, и внезапно его пронзила догадка, холодная и острая, как лезвие того самого скальпеля.

Человек на фотографии не был его отцом.

Это был кто-то другой. Кто-то, чье лицо его мозг принял за лицо Виктора. Кто-то, чьи воспоминания он только что видел во сне. А это значит...

А это значит, что его настоящий отец мог быть вовсе не тем, кем он его считал. Или же он, Аарон, вовсе не был тем, кем себя считал. Возможно, он даже не был Аароном.

Дверь в палату открылась. На пороге стоял не Демидов и не Елена. Это был Виктор Кейн собственной персоной. Высокий, все еще прямой, несмотря на возраст. Но его лицо изменилось. За эти трое суток он постарел на десять лет. Под глазами залегли черные тени, взгляд, всегда такой спокой-

ный и уверенный, теперь был затравленным. Он смотрел на сына, и в этом взгляде боролись два чувства: безграничная любовь и безграничный ужас.

— Аарон, — произнес он, и голос его дрогнул. — Мне разрешили войти всего на пять минут. Я должен спросить...

— Ты жив, — прошептал Аарон, сжимая в кулаке фотографию. — Слава богу, ты жив.

Виктор подошел ближе. Его шаги были медленными, неуверенными, словно он приближался к дикому зверю.

— Что это было, Аарон? То, что мы все видели... это ведь какая-то ошибка? Или... — он запнулся, подбирая слова. — Или это правда? Ты хотел меня... убить?

— Нет! — выкрикнул Аарон. — Нет! Я не знаю, откуда это взялось! Это не мое воспоминание! Мой мозг переполнен чужими мыслями! Я... я как радиоприемник, настроенный на сотню волн одновременно. Но я никогда не поднял бы на тебя руку!

Виктор опустил на стул, стоящий у койки. Его руки, те самые руки, которые когда-то учили сына держать паяльник, тряслись.

— Я всегда боялся этого дня, — тихо произнес он. — Всегда знал, что однажды это всплывет.

Аарон замер. Внутри у него все похолодело.

— О чем ты говоришь? Что знал?

Виктор поднял на него глаза, полные слез.

— Я думал, ты не помнишь. Думал, что процедура стира-

ния прошла успешно. Ты был таким маленьким... тебе было всего пять лет, когда они пришли за твоей матерью. За первой версией «Прометея».

Мир Аарона пошатнулся. Первая версия «Прометея»? Его мать? О чем говорил отец? Его мать умерла, когда ему было пять. Несчастный случай в лаборатории. Ему всегда так говорили.

— Мама не погибла случайно? — спросил он одними губами.

— Нет, — покачал головой Виктор. — Она была гением. Настоящим гением, а не подделкой вроде меня. Это она создала теорию, которая легла в основу «Прометея». Теорию симбиотического интеллекта. Но когда «НейраТех» узнала об этом, они захотели забрать все. И они забрали ее. Забрали ее сознание, Аарон. А все, что осталось от нее, похоронили в земле. Тебя они оставили в живых, потому что ты был слишком мал, чтобы представлять угрозу. Но чтобы ты не помнил о случившемся, они... они стерли тебе память.

Аарон слушал, и в его душе разверзалась бездна. Стерли память. В пятилетнем возрасте. Его сознание было открыто и исковеркано еще тогда. И все эти годы его мозг залечивал раны, встраивая в пустоты чужие истории.

— Но это не все, — продолжал Виктор, и его голос становился все тише, словно каждое слово давалось ему с огромным трудом. — «НейраТех» не просто украла идею. Они создали целый проект. Секретный проект под кодовым назва-

нием «Монолит». Они искали способ создавать гениев искусственно. Собирать сознания лучших умов в единую базу данных. В единый... разум. И они нашли его. Они использовали для этого живых носителей. Детей. Ты был не единственным, Аарон. Но ты — единственный, кто выжил.

Аарон вспомнил стеллажи с мозгами. Цилиндры. Библиотеку разумов. И фигуру в тени, которая была им самим. Холодным, безжалостным, совершенным.

— Кто я? — спросил он. — Папа, кто я на самом деле? Твой сын? Или...

— Ты мой сын, — твердо сказал Виктор, беря его за руку. — Ты всегда был и будешь моим сыном. Но то, что они заложили в тебя... это не твое. И если оно пробудилось, значит, кто-то снова запустил программу. Программу, которой уже тридцать лет. Кто-то хочет закончить то, что начали они. И этот кто-то находится внутри тебя.

В этот момент дверь палаты распахнулась. На пороге стояли четверо. Рихтер и трое сотрудников службы безопасности в черной униформе без знаков различия. Глава патентного отдела «НейраТех» больше не выглядел бесстрастным. На его лице читалось плохо скрываемое торжество.

— Время свидания истекло, господин Кейн-старший, — произнес он ледяным тоном. — И у меня для вас обеих новости. Суд удовлетворил ходатайство корпорации. В связи с вновь открывшимися обстоятельствами, представляющими угрозу общественной безопасности, принято решение о

немедленной изоляции объекта «Аарон Кейн» в учреждении закрытого типа. С полным изъятием мнемонического массива. Процедура назначена на завтра.

— Вы не имеете права! — крикнул Виктор, вставая между сыном и вошедшими. — Это противозаконно!

— Закон — это то, что мы пишем, — отрезал Рихтер. — А вы, господин Кейн-старший, проявите благоразумие. Ваше прошлое уже однажды было стерто. Мы можем повторить.

Аарон смотрел на отца. На его прямую спину, на седые волосы, на руки, все еще дрожащие, но готовые защищать его до конца. Защищать от тех, кто пришел за его разумом. И в этот момент в его голове снова зазвучали чужие голоса. Но теперь они не пугали его. Теперь он слушал их. Десятки жизней, десятки смертей, десятки разумов, сплавленных в один. У них у всех отняли будущее. Но они могли дать ему одну вещь, которой не было ни у кого из его врагов. Они могли дать ему знание.

Тени в его сознании начали сливаться в единую картину. Тот человек на фотографии. Те стеллажи. И голос, его собственный голос из видения: «Твой разум станет ключом. Ключом от всех дверей, которые они закрыли». Он посмотрел на Рихтера, и в его глазах больше не было страха. Там зарождалось что-то новое. Что-то темное и могущественное, словно океанский шторм.

— Вы хотите изъять мою память? — спросил он тихо, и его голос эхом разнесся по палате. — Вы правда думаете, что

сможете справиться с тем, что там найдете? Там, в моей голове, есть не только мои секреты. Там есть ваши. И я начинаю их видеть. Я начинаю их понимать.

Рихтер побледнел. На мгновение его маска абсолютной власти дала трещину.

— Увести его, — приказал он охране.

Двое охранников двинулись к койке. Но Аарон уже принял решение. Он не будет ждать. Он не позволит им снова вскрыть его мозг. Он должен бежать. И он знал, как. В его голове были знания десятков людей. Инженеров, солдат, преступников, врачей. Среди них должен был найтись тот, кто знал, как выбраться из запертой палаты.

Он бросил взгляд на отца. Виктор Кейн смотрел на него, и в его глазах, сквозь слезы и боль, пробивалась искра надежды. Он тоже понял. Понял, что его сын больше не жертва.

— Прости меня, папа, — прошептал Аарон. — За все. И за то, что мне, возможно, придется сделать дальше.

Охранник протянул руку, чтобы схватить его. И в этот момент Аарон нанес удар. Не тот удар, которому мог научить обычный инженер. Это был точный, выверенный удар в нервный узел на шее — знание, которое он не помнил, но которое помнил кто-то другой. Охранник рухнул как подкошенный, даже не вскрикнув.

В палате начался хаос. Виктор Кейн, несмотря на возраст, бросился на второго охранника. Рихтер попятился к двери, крича что-то в коммуникатор. Аарон перепрыгнул че-

рез койку, хватая с тумбочки свое кольцо — не простое, а с встроенным микро-деструктором, который он когда-то смастерил ради шутки. Шутка теперь могла спасти ему жизнь.

Он не помнил, как вырвался из палаты. Не помнил, как бежал по коридорам изолятора. Его вели чужие инстинкты и чужая память. Его тело действовало на автопилоте, пока его собственное сознание судорожно пыталось удержаться на плаву среди бушующего моря чужих жизней. Он был не один. Целая армия призраков шла вместе с ним.

Последнее, что он увидел, выбегая на пожарную лестницу здания суда, был дождь. Косой, злой дождь Эрго-Сити, который лупил по стеклу не каплями, а очередями, словно мир пытался пробить брешь в его решимости. Он выбежал под этот дождь, подняв лицо к черному небу. Вода смешивалась с кровью из рассеченной брови.

Свобода. Она пахла озоном и отчаянием. Но она была у него в руках. И теперь, когда он знал, что за зверь живет внутри него, он должен был найти способ либо приручить его, либо сдохнуть. Третьего было не дано.

Он нырнул в переулочек, и тени поглотили его. Охота на идею превратилась в охоту на человека. Но он больше не был уверен, кто здесь охотник, а кто — жертва.

Глава 3. Симфония призраков

Дождь хлестал по лицу, смешиваясь с кровью и потом. Аарон бежал, не разбирая дороги, ведомый не столько зрением, сколько каким-то древним, животным чутьем, проснувшимся в глубине его существа. Пожарная лестница вывела его в узкий переулок, зажатый между двумя небоскребами. Стены из потемневшего от времени пластика и ржавого металла смыкались над головой, оставляя лишь полоску черного, беззвездного неба. Где-то позади, приглушенные расстоянием и шумом ливня, были сирены. Вой нарастал, отражаясь от стен, и казалось, что весь город превратился в одну гигантскую загонную свору, почуявшую запах крови.

Он остановился на секунду, чтобы перевести дух. Легкие горели огнем, сердце колотилось где-то у горла. Ноги дрожали от перенапряжения, но останавливаться было нельзя. Его ищут. И найдут, если он немедленно не придумает, как исчезнуть. Исчезнуть из поля зрения камер, тепловизоров и сканеров, которыми, без сомнения, уже прочесывают каждый квадратный метр этого проклятого района.

В голове, заглушая даже вой сирен, звучал разноголосый хор. Десятки, сотни голосов, нашептывающих, кричащих, умоляющих. Они наслаивались друг на друга, создавая какофонию, от которой раскалывался череп. «Беги!» — кричал

один. «Стой, ты не туда!» — перебивал другой. «Спрячься в коллекторе!» — советовал третий. «Сдайся, так будет проще», — шептал четвертый, и от этого шепота веяло таким ледяным безразличием, что Аарон вздрогнул. Он понял: если он сейчас не возьмет этот хаос под контроль, он погибнет. Не от пули преследователей, а от разрыва собственного рассудка.

Он прижался спиной к холодной, мокрой стене и закрыл глаза. Это было ошибкой. Стоило ему опустить веки, как внутреннее зрение вспыхнуло с утроенной силой. Перед ним проносились образы. Лица людей, которых он никогда не знал. Места, в которых никогда не был. Он видел руки, зажимающие удавку на чьей-то шее. Чувствовал запах гари и горелого мяса. Слышал последний вздох умирающей женщины. Это была не его жизнь. Это были жизни других. Но каждая из них пыталась стать его собственной, занять место истинного «я», вытолкнуть его из тела, как кукушонок выталкивает птенцов из гнезда.

«Тише!» — мысленно закричал он, обращаясь к этому орущему многоголосью. «Заткнитесь все! Я — Аарон Кейн! Это мое тело! Мой разум!»

И произошло нечто странное. Гул на мгновение стих, словно кто-то повернул ручку громкости на несуществующем приемнике. В наступившей относительной тишине прорезался один-единственный голос. Он был женским, низким и спокойным, с нотками усталой мудрости. Он не принадле-

жал ни одной из тех потерянных душ, что кричали минуту назад.

«Ты не один, Аарон. И ты не болен. Ты — это множество. Ты — это мы. Перестань бороться с нами. Прими нас. Только так ты сможешь выжить. Мы — не враги. Мы — инструменты. Но ты должен научиться выбирать, какой инструмент использовать в нужный момент. Сейчас тебе нужен тот, кто умеет прятаться. Поищи в нас. Позови его. Мы отзовемся».

Аарон открыл глаза. Сердце все еще колотилось, но паника отступила, сменившись холодной, почти неестественной сосредоточенностью. Он понял. Он не сумасшедший. Его мозг — это библиотека. Огромная, запущенная библиотека, где книги свалены в беспорядке. Но теперь он знал, что может запрашивать конкретную информацию. Нужен тот, кто умеет уходить от погони. Тот, кто знает город так, как не знает никто. Тот, кто умеет становиться невидимым.

Он мысленно сформулировал запрос, и почти мгновенно в его сознании всплыло имя: «Маркус Вэйн». Нет, не тот юнец-аналитик из «НейраТех». Другой. Вор. Профессиональный «городской призрак», специализировавшийся на краже корпоративных секретов. Пойманный и казненный пятнадцать лет назад. Но память его осталась. И теперь она хлынула в сознание Аарона, заполняя его схемами подземных коммуникаций, картами слепых зон камер наблюдения и знанием десятков тайных убежищ.

Аарон встряхнул головой. Теперь он видел переулок со-

вершенно иначе. Он знал, что в двадцати метрах к востоку, за мусорным баком, есть вентиляционная шахта. Старая, заброшенная еще до постройки новой линии метро. Она ведет в систему технических тоннелей, которая не отмечена ни на одной карте города. Собственность давно обанкротившейся компании, о которой все забыли.

Он двинулся вперед, уже не бегом, а быстрым, крадущимся шагом. Движения его изменились. Исчезла неуклюжесть загнанного инженера, появилась грация и точность опытного взломщика. Тело слушалось новых команд, мышцы работали по-другому. Это было жуткое и одновременно захватывающее чувство — быть пассажиром в собственном теле, управляемом кем-то, кого уже нет в живых.

Шахта нашлась именно там, где и подсказывала память вора. Решетка, ржавая, но на вид крепкая, была прикрыта грудой пластикового мусора. Пальцы Аарона — или уже не совсем его пальцы — скользнули по краю решетки, нащупали скрытую защелку. Одно точное, почти неуловимое движение — и решетка с тихим скрежетом отошла в сторону. Из отверстия пахло сыростью, плесенью и чем-то еще — запахом запустения и тайны. Аарон нырнул в темноту, аккуратно вернув решетку на место.

Он оказался в полной тьме. Но память вора и здесь пришла на помощь. Маркус Вэйн знал, как ориентироваться на ощупь, как читать пространство по движению воздуха и отражению звуков. Аарон двинулся вперед, пригибаясь под

низкими сводами, скользя рукой по влажной бетонной стене. Сирены, доносившиеся с поверхности, становились все глуше и глуше, пока не стихли совсем. Остался только звук его собственного дыхания и мерный стук капель, падающих откуда-то сверху.

Он шел, казалось, целую вечность. Технический тоннель петлял, разветвлялся, но чужая память вела его безошибочно. Наконец, он вышел в небольшое помещение, похожее на старый распределительный узел. Вдоль стен стояли ржавые шкафы с давно не работающим оборудованием. В углу валялся истлевший матрас и пара пустых бутылок — следы пребывания какого-то бездомного, нашедшего здесь приют задолго до него. Аарон обессиленно опустился на пол, приклонившись спиной к холодному металлическому шкафу.

Только сейчас он позволил себе почувствовать боль. Рассеченная бровь саднила. Ребра ныли — видимо, он ударился о перила, когда выбегал с лестницы. Но все это была ерунда по сравнению с тем хаосом, что творился внутри. Голоса, притихшие на время побега, снова начали подавать признаки жизни. На этот раз они не были агрессивны. Они были любопытны. Они изучали его так же, как он изучал их.

«Кто ты, Аарон Кейн? — казалось, спрашивали они. — Ты — сосуд? Тюрьма? Или новый дом?»

Он не знал ответа. Он вообще больше ничего не знал о себе. Вся его жизнь, все его воспоминания, казавшиеся такими прочными и незыблемыми, теперь рассыпались, как карточ-

ный домик под порывом ветра. Отец, научивший его паять. Мать, трагически погибшая в лаборатории. Учеба, работа, «Прометей». Что из этого было правдой, а что — искусной подделкой, созданной чужими руками? Он вспомнил слова отца в больничной палате: «Они стерли тебе память, когда тебе было пять лет». Что еще они вложили взамен? И самое главное — зачем? Какова была цель этого чудовищного эксперимента?

Он достал из кармана больничной рубашки фотографию, которую каким-то чудом не потерял во время бегства. Ту самую, пожелтевшую, с изображением мужчины, так похожего на отца. В слабом свете аварийного светодиода, горевшего над дверью, лицо казалось еще более загадочным. Кто ты? Настоящий Виктор Кейн? Или очередной призрак, которого он никогда не знал?

Ему нужно было все обдумать. Разложить по полочкам факты, как он привык это делать в своей инженерной работе. Факт первый: его мозг является носителем множества чужих воспоминаний, скорее всего, извлеченных из умерших людей. Факт второй: корпорация «НейраТех» как минимум знает об этом, а как максимум — является создателем этой технологии, которую отец назвал «проект Монолит». Факт третий: у него есть временное убежище и доступ к чужим навыкам, что дает ему небольшую фору во времени. Но корпорация не остановится, пока не изымет его память полностью. И, наконец, факт четвертый, самый страшный и самый

важный: в этом массиве чужих воспоминаний есть сцена, в которой он, Аарон, убивает собственного отца. Убивает не просто так, а чтобы «освободить его разум». Что это было? Реальное событие из жизни одного из доноров, наложившееся на его собственные образы? Или это пророчество? Или... инструкция?

От этой мысли по спине пробежал холод, более ледяной, чем тот, что исходил от бетонных стен убежища. Что, если то видение было не просто воспоминанием? Что, если это была программа? Код, заложенный в его сознание, чтобы в определенный момент заставить его совершить убийство? Убийство того, кто знает правду. Убийство родного отца.

Аарон застонал, сжимая голову руками. Нет. Он не позволит какой-то программе управлять им. Он инженер. Он всю жизнь строил системы и управлял ими. Он найдет способ переписать этот код. Вычистить его из своего сознания. Или, по крайней мере, построить вокруг него такую защиту, которую не пробьет ни одна внешняя команда.

Но для этого ему нужно знать, как работает его собственный мозг сейчас. Нужен инструментарий. Нужны знания. И есть только одно место, где такие знания могут храниться. Место, о котором отец говорил с таким страхом. «Колыбель». Их старый дом у залива, который, по словам Виктора, был снесен. Но Аарон знал: отец никогда ничего не уничтожал до конца. Он всегда оставлял резервные копии. На случай, если правда понадобится.

Решение пришло мгновенно. Он должен пробраться туда. Это опасно? Безусловно. Это может быть ловушкой? Вполне вероятно. Но это единственная ниточка, ведущая к разгадке.

Он поднялся на ноги. Мышцы болели, но чужая память уже услужливо подсказывала способы унять боль. Надо найти воду, аптеку. Укрытое место, где можно будет переждать день, потому что передвигаться по городу днем, с его лицом, растиражированным по всем новостным каналам, — чистое самоубийство. Он снова обратился к «библиотеке». Нужен тот, кто умеет менять внешность, добывать фальшивые документы и не попадаться на глаза патрулям. На этот раз откликнулись сразу несколько голосов. Он выбрал один, принадлежавший женщине по имени Грета. Бывший агент под прикрытием, работавшая на одну из конкурирующих корпораций. Ее знания о гриме, перевоплощении и уличной психологии были бесценны.

Следуя ее указаниям, он покинул убежище глубокой ночью. Сначала нужно было добраться до старого района, где еще сохранились общинные свалки и автоматические пункты приема вторсырья. Там, в контейнерах, всегда можно найти старую одежду, обувь, а иногда и полезные безделушки. Аарон, двигаясь по лабиринту переулков и технических проездов, чувствовал себя все более странно. Его тело выполняло команды, которые он не осознавал. Он перепрыгивал через ограждения с грацией, которой у него никогда не было, замирал в тених за мгновение до того, как луч прожектора с

патрульного дрона прочесывал улицу, и дышал так тихо, что даже крысы, копошившиеся в мусоре, не обращали на него внимания. Он был хищником и тенью одновременно. И это пугало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.